

Снижение

ЛЕТИЦИЯ
КОЛОМБАНИ

Сметение

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К61

Laetitia Colombani
LA TRESSE

© Editions Grasset & Fasquelle, 2017

Перевод с французского *Серафимы Васильевой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Фотография на обложке:

© Studio Omg / EyeEm / Gettyimages.ru

Коломбани, Летиция.

К61 Сплетение : [роман] / Летиция Коломбани ; [пер. с фр. С. Васильевой, Ю. Селивановой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-103222-7

Индия. Смита относится к касте неприкасаемых, ее жизнь невыносима, как была невыносима жизнь ее матери и бабушки. И для дочери Смиты уготовлена та же судьба – унижительный адский труд до конца дней.

Сицилия. Джулия работает в семейной мастерской. Когда с ее отцом происходит несчастный случай, ей приходится взять управление в свои руки. И в этот момент она обнаруживает, что предприятие практически разорено.

Канада. Сара – блестящий адвокат, мать троих детей, которая мастерски совмещает работу и личную жизнь. Она уже совсем близка к вершине своей карьеры, когда слышит страшный диагноз врачей.

Этих трех женщин, незнакомых друг с другом, объединили сила, мужество и смелость бросить вызов своей судьбе. А их жизни переплела и связала между собой незримой нитью обычная женская коса.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

- © Васильева С., перевод на русский язык, 2019
- © Селиванова Ю., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103222-7

*Посвящается Оливии
и отважным женщинам*

Коса — несколько прядей
волос (или несколько воло-
кон), сплетенных вместе.

«...Симона, в чаше твоих
волос кроется великая тайна».

Реми де Гурмон

«Свободная женщина —
прямая противоположность
женщины легкого поведения».

Симона де Бовуар

Пролог

Всегда в начале — робкий танец пальцев
И дрожкий трепет первого стежка.
Хотя уже не раз вправляла в пальца
Холстину новую рука.

По хлопку вышивать — для долгой жизни.
Цвета стоят, останется сюжет.
По шелку вышивать — шелка капризней,
Доверия к шелкам в народе нет.

Но что бы ни взяла для дела мастерица,
Ее закон — не торопиться.
А можно мойрой стать: плести веревку.
Три нитки из мотка, за разом раз.
Спокойно, механически, неловко...

Люблю плести и наблюдать вполглаза,
Как эти нити связывают нас.
Нет в пальцах музыки, но есть немой балет.
Я в нем один — танцор, и я же — зритель.
Часами можно выводить на свет
Таинственные чьих-то судеб нити.

И, завязав последний узелок,
Себя чужой судьбе отдать в залог¹.

¹ Перевод стихотворений Юлии Селивановой.

Смита

*Деревня Бадлапур,
штат Уттар-Прадеш, Индия*

Смита просыпается со странным чувством: в животе у нее словно трепещет крылышками бабочка, предвещающая что-то очень важное и приятное. Сегодняшний день она запомнит на всю жизнь. Сегодня ее дочка пойдет в школу.

Сама Смита в школе не была ни разу. Здесь, в Бадлапуре, такие, как она, в школу не ходят. Смита — неприкасаемая, далит¹. Она из тех, кого Ганди называл детьми Господа. Вне касты, вне системы, вне чего бы то ни было. Она принадлежит к совершенно особому виду людей — нечистым, которым не место среди остальных, к недостойным отбросам, которых держат в стороне от всех, как отделяют от плевел хорошие зерна. Их миллионы, таких как Смита, живущих за пределами

¹ Общее наименование ряда каст, занимающих низшее место в кастовой иерархии Индии. Неприкасаемые не входят в систему четырех основных сословий (варн) индуистского общества.

деревень, вне общества, на периферии человечества.

Каждое утро — одно и то же. Будто заезженная пластинка, без конца повторяющая какую-то адскую мелодию. Смиа просыпается в лачуге, служащей ей жилищем, неподалеку от возделываемых джатами¹ полей. Она моет лицо и ноги водой, принесенной накануне из колодца, которым им дозволено пользоваться. Упаси боже притронуться к другому — тому, что расположен ближе и удобнее: он предназначен для высших каст. Некоторые и за меньший проступок лишались жизни. Она собирается, причесывает Лалиту, целует Нагараджана. Затем берет тростниковую корзину, ту самую, которая принадлежала ее матери и от одного взгляда на которую тошнота подкатывает к горлу. Пропитанную стойкой, крепкой, неистребимой вонью, корзину, которую она носит дни напролет, как свой крест. Эта корзина — постыдная ноша — ее вечная мука. Проклятие. Кара. Что-то такое она, должно быть, совершила в одной из прежних жизней, и теперь ей приходится расплачиваться, искупать это «что-то». В конце

¹ Одна из земледельческих каст Индии и Пакистана (особенно многочисленны в Пенджабе и примыкающих к нему округах штата Уттар-Прадеш).

концов, эта жизнь имеет не больше значения, чем предыдущие или последующие, это просто жизнь, одна из многих, говорила мать. Да, именно, такова ее жизнь.

Такова ее дхарма¹, ее долг, ее место в этом мире. Ремесло, передающееся из поколения в поколение, от матери к дочери. По-английски ее профессия называется *scavenger*, что означает «чистильщик». Благопристойное обозначение реалии, которая таковой не является. То, чем занимается Смита, не определить одним словом. Целыми днями она вручную собирает чужие нечистоты. Ей было шесть лет, столько же, сколько сегодня Лалите, когда мать впервые взяла ее с собой на работу. Смотри, потом сама будешь делать то же самое. Смита помнит запах, напавший на нее, словно осиный рой, невыносимый, нечеловеческий запах. Ее вырвало там же, на обочине. Привыкнешь, сказала мать. Она солгала. К такому не привыкнуть. Смита научилась задерживать дыхание, жить не дыша. Надо дышать, сказал деревенский доктор, видите, как вы кашляете. Надо есть. Аппетит Смита давно потеряла.

¹ Одно из важнейших понятий в индийской философии и индийских религиях, совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка.

Она и не помнит уже, как это бывает, когда хочется есть. Ест она мало, самый минимум, горсть риса, разведенного водой, — вот и все, что она навязывает каждый день своему не принимающему пищу телу.

Впрочем, правительство обещало понастроить туалетов по всей стране. Увы, до этого угла они не добрались. В Бадлапуре, как и в других местах, люди испражняются прямо под открытым небом. Повсюду тонны нечистот загрязняют почву, реки, поля. Болезни распространяются со скоростью лесного пожара. Политики знают: прежде реформ, прежде социального равенства, даже прежде работы народу нужны туалеты. Народ хочет иметь право испражняться достойно. Женщины в деревнях дожидаются темноты и идут справлять нужду куда-нибудь в поля, подвергая себя множеству опасностей. Наиболее удачливые обустривают специальный уголок во дворе или в дальнем конце дома, обычную яму, стыдливо называемую сухим туалетом, отхожее место, которое каждый день чистят вручную далитские женщины. Такие как Смиа.

Она начинает свой обход около семи часов. Берет корзину и метелку из тростника. Ей надо вычистить двадцать домов (и так каж-

дый день), так что приходится поторапливаться. Она идет по обочине дороги, опустив глаза, спрятав под платком лицо. В некоторых деревнях далитов заставляют нацеплять на себя воронье перо, чтобы все знали, кто они. В других — им полагается ходить босиком: всем известна история неприкасаемого, которого побили камнями только за то, что он надел сандалии. Смита входит в дома через заднюю дверь, она не должна встречаться с жильцами и тем более разговаривать с ними. Она не только неприкасаемая — она должна быть еще и невидимой. В уплату за свою работу она получает остатки пищи, иногда старую одежду, все это ей бросают на землю. Не касаясь, не глядя на нее.

Иногда она вообще ничего не получает. Одна джатская семья вот уже несколько месяцев ничего не платит. Смита хотела прекратить это, как-то вечером она сказала Нагараджану, что больше туда не пойдет, пусть убирают свое дерьмо сами. Но Нагараджан перепугался: если Смита не станет туда ходить, их прогонят, ведь у них нет своей земли. Джаты придут и сожгут их лачугу. Смита знает, на что они способны. «Вот поотрубаем тебе ноги», — сказали они одному такому же, как она. Позже его и правда нашли на соседнем

поле с отрубленными ногами и облитым кислотой.

Да, Смиа знает, на что способны джаты.

Поэтому на следующий день она снова пошла туда.

Но сегодняшнее утро не такое, как всегда. Смиа приняла решение, оно пришло к ней, как откровение: ее дочка пойдет в школу. С трудом убедила она Нагараджана. Ни к чему это, говорил он. Ну, научится она читать и писать, но ведь здесь никто не даст ей работы. Как ты родился чистильщиком уборных, так им и помрешь. Это передается по наследству, из этого круга никому не вырваться. Это — карма.

Но Смиа не уступила. Она завела тот же разговор назавтра, и через день, и заводила все последующие дни. Она не желает брать Лалиту с собой на работу, не станет она показывать ей, как чистить уборные, не собирается смотреть, как ее дочку рвет в канаву, так же, как выворачивало когда-то ее саму. Нет, не будет этого. Лалита должна пойти в школу. Нагараджан в конце концов отступил перед ее решимостью. Он знает свою жену, знает силу ее воли. Эта маленькая темнокожая далитская женщина, которую он взял за себя десять лет назад, сильнее него. В общем, он уступил ей.

Пусть. Он сходит в деревенскую школу и поговорит с брахманом¹.

Одержав победу, Смиа улыбнулась украдкой. Вот бы и ее мать так же боролась за нее, она с радостью и сама переступила бы школьный порог, села среди других ребят. Научилась бы читать и считать. Но это было невозможно. Отец Смиа не был таким добрым, как Нагараджан, он был раздражительным и жестоким. Он бил свою жену, как и все мужчины здесь. Жена мужу не ровня, любил он повторять, она ему принадлежит, она — его собственность, его рабыня. Она должна подчиняться его воле. Отец скорее стал бы спасать корову, чем жену, это уж точно.

Смиа же повезло: Нагараджан ни разу не побил ее, ни разу не оскорбил. Когда родилась Лалита, он даже согласился сохранить ей жизнь. А ведь совсем неподалеку новорожденных девочек убивают. В деревнях Раджастана их живьем закапывают в землю — сразу после рождения кладут в коробку и засыпают песком. За ночь девочки умирают.

¹ Члены высшей варны (сословия) индуистского общества. Из их среды на протяжении многих столетий выходили писцы, священнослужители, ученые, учителя и чиновники.

Сплетение

Но здесь не так. Сми́та смотрит на Лалиту, которая причесывает свою единственную куклу, сидя на корточках на земляном полу лачуги. Такая красивая. У нее тонкие черты, длинные, до пояса, волосы, Сми́та каждое утро расчесывает их и заплетает в косы.

Моя дочка научится читать и писать, думает она, и ей становится радостно от этой мысли.

Да, сегодняшний день она запомнит на всю жизнь.